

Глава 2

НЕИЗБЕЖНОСТЬ НОВОГО, “СИНТЕЗНОГО” СОЦИАЛИЗМА

*“Человек труда — это не просто орудие производства,
но и личность, имеющая в ходе всего производственного
процесса приоритет перед вложенным в дело капиталом.
Сами́м актом своего труда человек становится
господином на своем рабочем месте,
хозяином трудового процесса,
хозяином продуктов своего труда
и их распределения.”*

Папа Иоанн Павел Второй

ОБОСНОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ

Чтобы исследовать вопрос, что же должно прийти на смену капитализму, равно как и государственному социализму, и убедиться в неизбежности этой смены, проследим две важнейшие линии: освобождения труда и развития демократии.

На заре цивилизации господствовал, как известно, рабовладельческий строй, когда и главная рабочая сила — раб, и его руки, и плоды его труда, были собственностью рабовладельца. Строй этот существовал веками — и казался современникам вечным и незыблемым. Однако его сменил феодализм, при котором собственностью феодала, владельца средств производства (главным образом, земли), стали “только” рабочие руки и плоды труда крепостных работников. (В России феодализм был ближе к рабству, и крепостные были фактически рабами.) Затем

Глава 2

пришел капитализм, когда хозяину средств производства стали принадлежать лишь плоды труда работников (наёмных). Таким образом, несмотря на все зигзаги истории, мы видим линию постепенного освобождения человека и его труда по мере развития сознания людей и производительных сил: *раб — крепостной — наемный работник...*

И не существует и существовать не может в природе причин, по которым этот процесс освобождения может навсегда остановиться на нынешней стадии, и не сложится в конце концов строй, когда и *плоды труда станут собственностью их производителей*, что будет означать ликвидацию наемного труда — последней стадии рабства — и полное освобождение человека. **У истинно свободного человека никто не может отобрать продукт его труда.** Продукт труда должен быть и будет неприкосновенной частной собственностью его создателя*.

Как тут не привести удивительные строки еще одного моего единомышленника — Иосифа Бродского:

“К нам не плывет золотая рыбка.
Маркс в производстве не вяжет лыка.
Труд не является товаром рынка.
Так говорить – оскорблять рабочих.
Труд – это цель бытия и форма.
Деньги как бы его платформа.
Нечто помимо путей прокорма.
Размотаем клубочек.”

(“Речь о пролитом молоке”)

Это прямо к нам обращение. Размотаем! Бродский, говоря “не является”, имеет в виду, конечно, что труд по существу *не должен* являться товаром рынка. И не будет – при синтезном социализме. Исчез рынок рабов, исчезнет и рынок труда, рабочих рук. Из Станислава Лема: “О чем главная мечта раба? — О рынке, на котором он мог бы купить себе доброго хозяина.” Подобные мечты потеряют “свою сладость”.

---

* Исключение составляют немногие виды труда, продукцию которых невозможно выделить и/или измерить, оценить. Например, работа госслужащих, ученых. (Подробнее см. гл. 5).

Обращаясь в агенство по трудоустройству, человек будет искать не работодателя, который станет больше платить за его работу, а компанию работников, предлагающую лучшие условия совладения капиталом.

“Самим актом своего труда” человек будет становиться совладельцем капитала. Ибо тот, кто владеет продукцией труда, будет владеть и средствами производства, так как только у него есть капитал для поддержания и обновления этих средств.

Сложится — и уже исподволь складывается на Западе — форма собственности, которую можно назвать *групповой трудовой* собственностью, когда все постоянные работники предприятия/учреждения, и только они, являются его владельцами. По принципу: *кто не работает, тот не владеет!* Этот принцип, в отличие от феодально-социалистического “кто не работает, тот не ест”, является сугубо правовым принципом, проистекающим в свою очередь из священного права собственности производителя на продукт своего труда.

Таким образом, намеченная выше линия будет выглядеть следующим образом: **раб — крепостной — наемный работник — работник-совладелец (средств и продуктов производства).**

Сходную линию мы можем проследить и в развитии демократии. Демократия для узкой группы, олигархии, потом — для всех имущих граждан (цензовая демократия), потом — для всего мужского населения, затем — и для женщин; т.е. распространение демократических прав на все общество. *И мы вновь не найдем в природе причин, по которым бы это развитие должно останавливаться.* И следующий этап — вступление демократии внутрь трудовых ячеек общества. (Развитие вширь уже исчерпано!) А именно — выборность и разделение власти внутри этих ячеек: совет трудового коллектива — законодательная власть, администрация — исполнительная, ревизионно-контрольные комиссии — судебная. Иными словами, создание системы демократического самоуправления. Что возможно конечно лишь с одновременным утверждением *групповой трудовой* формы собственности на средства и продукцию производства. Наемный работник не может иметь права решающего голоса в делах

предприятия.

Обе линии приводят к двум фундаментальным правам истинно свободного человека:

▪ **праву решающего голоса во всех касающихся его делах, во всех структурах, членом которых он состоит**, от трудовой ячейки до государства;

▪ **и праву собственности на продукт своего труда.**

Оба эти права должны лечь в основу Конституции свободной России и любой другой свободной страны.

Господство *групповой трудовой* формы собственности и демократического самоуправления приводит, как мы покажем далее, к новому экономическому и политическому типу государства. В частности, к избирательной системе на производственной основе, что ставит законодательную власть, а с нею и исполнительную, под контроль граждан. В экономике возникает принципиально новая система накопления и перелива капитала (под контролем общества), не приводящая в то же время к подавлению *рыночной* конкуренции.

В целом описанное развитие представляется движением в направлении диалектического синтеза капитализма и социализма (или “здоровой конвергенции”, по Сахарову), т.е. к созданию принципиально нового строя, который можно несколько условно охарактеризовать как демократический, кооперативный социализм с рыночной экономикой.

И такое развитие видится неизбежным, при условии конечно, что до того существование человечества не прервется из-за какой-нибудь катастрофы — ядерной, экологической.

Джордж Сорос о судьбе капитализма

Яркое свидетельство того, что капитализм смертен и может почить в бозе в относительно недалеком будущем, дает книга одного из самых крупных капиталистов мира, финансиста и филантропа Джорджа Сороса: “Кризис мирового капитализма” (Нью-Йорк, 1998; Москва, 1999). Свидетельство это тем особенно ценно для нас, что принадлежит человеку, знающему то, о чем он пишет, “финансовому магу и волшебнику”, как его часто величает западная пресса.

Поводом для Сороса к написанию этой книги послужили глубокие кризисы в Юго-Восточной Азии, Японии и России. Автор анализирует причины этих кризисов, особенно подробно — финансовую катастрофу в России в августе 98-го, и приходит к неутешительным для сторонника капитализма выводам.

Прежде всего Дж. Сорос, насмехаясь над Френсисом Фукиямой (автором нашумевшей статьи о “конце истории”, которую он написал после падения коммунистического режима в СССР), констатирует с сарказмом, что “Слухи о конце истории оказались сильно преувеличенными!” (с. 239). (Хоть бери эти слова общим эпиграфом к нашей книге!)

Первый вывод Сороса — характер капитализма меняется в худшую сторону и во многих важнейших аспектах его трансформация заходит так далеко, что это угрожает его существованию. “Одним из крупнейших недостатков системы мирового капитализма, — считает Сорос, — является тот факт, что она позволила рыночному механизму и мотиву получения прибыли проникнуть во все сферы деятельности, даже туда, где им нет по существу места.” “После распада советской системы, — продолжает Сорос, — открытое общество с акцентом на свободу, демократию, главенство закона в значительной степени потеряло привлекательность в качестве организационного принципа, победителем оказался мировой капитализм. Капитализм, опирающийся исключительно на рыночные силы, представляет опасность открытому обществу. Центральное утверждение этой книги, — пишет Сорос, — состоит в том, что рыночный фундаментализм представляет сегодня большую опасность для открытого общества, чем тоталитарная идеология.” (с. XX и XXI)

“Рыночным фундаментализмом” Сорос называет сумму взглядов, согласно которым рыночная система, освобожденная от ограничивающих и корректирующих действий государства, способна привести к решению всех важнейших проблем общества и экономики, в частности к стабильному и равносному состоянию последней. Победу такого подхода Сорос связывает с приходом к власти Р.Рейгана в США и М. Тетчер в Великобритании и с крахом коммунистического режима в СССР. Среди ведущих теоретиков рыночного фундаментализма Сорос называет Фридриха Хайека и Милтона Фридмана. (Их пос-

Глава 2

ледователями являются и наши реформаторы-либералы, такие как Е.Гайдар и А.Чубайс, Г.Греф и А. Илларионов.) Взгляды их Сорос характеризует как порочные ввиду того, что они не учитывают *рефлексивной* (термин Сороса) природы экономики, т.е. не учитывают ее зависимости от поведения людей и изменения их взглядов. Сорос на этом основании вообще отказывает экономике в статусе естественной науки, которая имеет дело с неодушевленной материей и может поэтому спокойно применять математические методы и расчеты. Такая позиция, как увидит вскоре читатель, очень близка философской и психологической основе развиваемой мною концепции истории и экономики.

Дж. Сорос, полемизируя с рыночными фундаменталистами, пишет: “Рыночные силы, если им предоставить полную власть, даже в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывают хаос и в конечном итоге могут привести к падению мировой системы капитализма. Это — мой самый важный вывод в данной книге.”(с. XXIII)

“Преобразование корысти и эгоизма в моральный принцип, — объясняет Сорос, — коррумповало политику, и неспособность политики стала самым сильным аргументом в пользу предоставления рынкам еще большей свободы.” “Функции, — продолжает Сорос, — которые не могут и не должны определяться только лишь рыночными силами, включают многие из самых важных явлений жизни человека, начиная с моральных ценностей и заканчивая семейными отношениями, эстетическими и интеллектуальными достижениями. В то же время рыночный фундаментализм постоянно пытается увеличить свое влияние на эти сферы в форме идеологического империализма.(...) Вторжение рыночной идеологии в области, столь далекие от коммерции и экономики, разрушают и деморализуют общество.” (там же)

Важным для нас представляется и мнение Дж. Сороса о том, что “капитализм и демократия, вопреки широко распространенному убеждению, не идут рука об руку.” Демократия, там где она существует, ограничивает и уравнивает капитализм, а там, где ее нет — капитализм действует разрушительно. “Маркс и Энгельс 150 лет назад, — пишет в этой связи Сорос, — дали очень хороший анализ капитализма, в чем-то даже лучше, чем

теория равновесия классической экономической науки. Лекарство, предписанное ими, — коммунизм, было хуже, чем сама болезнь. Но основная причина, почему их ужасные предсказания не сбылись, состоит в уравнивающем политическом вмешательстве в демократических странах”. (с. XXIV)

Но сейчас, предупреждает Сорос, демократия уже не может уравнишивать и ограничивать капитализм, так как он вышел из национальных границ и сформировался в сеть транснациональных корпораций и мировых финансовых рынков, на которых господствует анонимный акционерный капитал. “Международный капитал во многом уходит от политического или общественного контроля, — пишет Сорос. — Мир вступил в период глубокого дисбаланса, в котором ни одно государство не может противостоять силе мировых финансовых рынков и в котором почти не существует институтов, создающих международные нормы. Механизм коллективного принятия решений в области мировой экономики просто-напросто не существует”. (там же)

“Сегодня система мирового капитализма (глобального, как это чаще принято сейчас называть. — В.Б.) все еще, — считает Сорос, — обладает достаточной мощью.” Но “ей угрожает настоящий мировой кризис.” “Боюсь, — предупреждает Сорос, — что политические изменения, вызванные кризисом, могут в конечном итоге смести систему мирового капитализма”. (с. XXV)

В другом месте своей книги Сорос пишет об этом еще более категорично: “Я предсказываю неминуемый распад системы мирового капитализма”. (с. 113)

Систему эту он характеризует, сравнивая с империей, “которая является более глобальной, чем какая-либо из существовавших ранее империй. (...) Она имеет центр и периферию, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции. Она отнюдь не ищет равновесия, а одержима экспансией. Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели”. (с. 114)

Глава 2

О таком империализме Ленин очевидно и не подозревал, когда писал свою статью “Империализм, как последняя стадия капитализма”. Здесь, возможно, мы являемся свидетелями характерной абберации, которая часто встречается в истории: люди делают верный анализ и прогноз на его основании, но спешат в определении сроков осуществления прогноза. Так было в свое время с предсказателями гибели большевиков и созданного ими строя. Анализ их был верный, но со сроками они спешили. Может быть только сейчас приближается и конец капитализма, предсказанный Лениным более 90 лет назад?!

У нас в стране кроме “рыночных фундаменталистов” (“перекоравшихся” номенклатурных коммунистов) есть еще и такие симпатизанты капитализма, которые утверждают, что он способен устранять свои недостатки, самосовершенствоваться и пребывать на этом основании бессмертным. В частности, в XX веке капитализм якобы конвергировал с лучшими сторонами социализма и приобрел человеческое лицо. Иными словами, история если и не кончилась, то пребывает в тихом и плавном эволюционном течении. (Лидером этого направления является известный публицист и мой друг Юрий Буртин.)

Но вот как характеризует нынешний капитализм Джордж Сорос: “Основным критерием, отличающим современный капитализм от его прежних этапов, служит всепоглощающее стремление к успеху: усиление мотива прибыли и проникновение его в сферы, где ранее преобладали иные соображения. (...) Чтобы понять отличие современного капитализма, необходимо признать растущую роль денег в качестве самодовлеющей ценности. Не будет преувеличением сказать, что деньги правят теперь жизнью людей в большей степени, чем когда-либо раньше.” (с. 126—127) “Денежные ценности узурпировали роль подлинных ценностей”. (с. 226)

Особенно нетерпимое положение, по мнению Сороса, сложилось с медициной и экологией: “Компании в сфере здравоохранения создаются не для спасения жизней — они оказывают медицинские услуги, чтобы получать прибыль. Нефтяные компании не стремятся защищать окружающую среду.”

“Когда все стремятся иметь как можно больше денег, — обобщает Сорос, — конкуренция обостряется настолько, что даже те,

кто добился наибольших успехов, низводится до положения, когда им приходится бороться за выживание” (с. 227).

“Независимость и свобода распоряжаться деньгами, присущие в прошлом привилегированным слоям, теперь утрачены. Я считаю, — заключает Сорос, — что мы стали из-за этого беднее. Жизнь не должна сводиться к простому выживанию.” (там же)

Каковы, по мнению Дж. Сороса, те сферы, где рынкам не должно быть места? “Я имею в виду такие профессии, — перечисляет Сорос, — как юрист и врач, политик, педагог, ученый, работник искусств, а также специалистов в области так называемых “общественных отношений”. (с. 226)

Джордж Сорос начал работать над книгой до последнего кризиса в Индонезии и в России (в августе 1998 г.). В главе 6-ой он пишет: “Я без колебаний утверждаю, что мировая капиталистическая система не устоит перед напором своих недостатков, если не на этот раз, то на следующий, — пока мы не осознаем, что она порочна, и своевременно не исправим ее недостатки. Я уже различаю зарождение финального кризиса. Он будет политическим по своему характеру. Скорее всего в странах возникнут местные политические движения, которые будут стремиться экспроприировать многонациональные компании и вернуть “национальные” богатства.”

В главе же 11-ой, написанной позже, Сорос “алармирует”: “Мировую капиталистическую систему потряс ряд финансовых кризисов, и она буквально распадается. Когда я приступил к написанию книги, я не думал, что это произойдет так быстро.”(с. 246)

Какие же меры по спасению капитализма видит Сорос? Это — создание мирового правительства и парламента. “У нас есть мировая экономика, но нет настоящего мирового сообщества. Такого положения дел нельзя терпеть далее!” — восклицает Сорос. (с. XXУ) Мировое правительство должно, по мысли Сороса, выполнять по отношению к мировому капитализму ту же роль, какую выполняли национальные правительства по отношению к национальным капиталистическим системам: ограничивать экспансию капитала, корректировать, уравнивать, вырабатывать нормы и законы и контролировать их соблюдение. Все страны должны для этого отдать часть своего

Глава 2

суверенитета мировому правительству. И создавать мировое сообщество и властные органы надо как можно скорее и с помощью радикальных мер. Сорос делает здесь знаменательное признание: “Существуют моменты, когда постепенных изменений оказывается недостаточно (...) Тот факт, что радикальные реформы часто также радикально искажаются, не отменяет необходимости в них.” (с. 246) Как говорится, приехали!

Но утопичность предлагаемой Соросом меры, на мой взгляд, очевидна. Мир — не Европа. Он состоит из стран с различной культурой и религией, и находящихся на очень различных уровнях развития, так что о создании мирового сообщества и правительства, да еще в ближайшее время, речи быть не может. Притом, что и создание Европейского сообщества, как показывает сам Сорос, лишь помогло раскрутиться транснациональной капиталистической системе.

Необходимо только еще отметить, что не один лишь Сорос предвидит возможность крушения мирового капитализма. Об этом сейчас говорят на Западе многие наблюдатели и ученые.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НЕИЗБЕЖНОСТИ НОВОГО СОЦИАЛИЗМА

*“Ошибка марксистов, не одних их, а всей
материалистической школы, в том,
что они не видят того, что жизнью
человечества движет рост сознания,
а не экономические причины.”*

Лев Толстой

Психологическая природа человека, социальный аспект

Марксизм кладет в основу всех своих построений экономику, движущей силой истории считает развитие производительных сил и удовлетворение их потребностей. Мы же исхо-

дим из того, что в основе социального поведения людей лежит психологическая природа человека, его основополагающие духовные потребности, а движущей силой истории является процесс осознания этих потребностей и стремление людей улучшить условия жизни для их более полного удовлетворения.

Из пренебрежения марксистов к психологии в значительной мере вытекают многие их важнейшие ошибки, примитивность и схематичность: социалистическое государство “как одна контора и одна фабрика”, “диктатура пролетариата” и т.д. Отсюда же непонимание необходимости экономической конкуренции, свободы всяческой инициативы и самоуправления на всех уровнях, необходимости политических свобод и обеспечения прав человека; непонимание значения свободы для самостоятельного объединения людей с целью реализации своих интересов или их защиты; отсюда же пренебрежение к многопартийности и идеологическому плюрализму; отсюда, наконец, и философская примитивность марксизма: “бытие определяет сознание”, “классовое мышление” и т.д. В такой же мере, если не более, пренебрегают психологической природой человека и российские сторонники капитализма.

Приведу ниже краткий очерк моих представлений об этом предмете.

Страх перед смертью и временем

Основное, что, по моему разумению, определяет психологическую природу человека и отличает ее от природы всех остальных живых существ, это очевидно — сознание. Сознание дает человеку власть над природой и возможность осознать ее величие и красоту. И оно же дает человеку, единственному из всех живых существ, ясное понимание своей смертности, которое оказывает двоякое влияние на его жизнь.

Страх перед смертью и временем, влекущем к смерти, представляет собой в сущности глубинный стимул для творческой и созидательной деятельности человека, для доброты и любви к себе подобным, рождает стремление к единению с людьми.

Всмотримся в свое подсознание: мы не можем не испытывать острой жалости ко всему живому, обреченному на короткое и быстрое существование. И если жизнь не ожесточила нас, мы не

Глава 2

можем не испытывать стремления сделать более счастливой друг для друга нашу жизнь. Отсюда и рождается все лучшее в человеке: доброта и совесть (или чувство ответственности), и так называемые понятия добра и зла (или нравственные принципы).

Такова материалистическая гипотеза внебожественного происхождения всего лучшего в человеке. “Бог есть боль страха смерти”, — говорит Кириллов в “Бесах” Достоевского.

Но в страхе смерти заключен и “дьявол” — первоисточник всяческого зла, творимого людьми друг другу. Источник хищного эгоизма и своеволия, малодушия и садизма, ненависти и злобы, стимул для злоторчества. И “дьявольские силы” тем сильнее завладевают человеком, чем менее он защищен от страха перед смертью и временем.

Страх перед смертью, концом, небытием стоит за всеми другими человеческими страхами: перед одиночеством, перед импотенцией и старостью, утратой любви и утратой (или необретением) творческих потенций, то есть страхом, что ты сгинешь, не оставив следа. И патологическая тяга к самой смерти, “тяга к бездне” наверное отсюда же — от неосознанного желания разом избавиться от страха перед смертью.

Испокон веков люди ищут защиты от этого страха. Что же может нас защитить от него? Думается, полнота жизни — возможность удовлетворять духовные потребности: быть добрым, любить, творить, созидать (и для этого познавать). Иначе говоря, быть нужным людям, быть не одному, ибо вместе легче бороться со страхами и легче “оставить добрый след”. Не находя защиты от страха перед смертью и временем, люди вольно или невольно начинают творить Зло друг другу, становятся агрессивными (для отвода вонне возникающей в их подсознании тяги к смерти) и впадают во все большее одиночество.

Но одиночество непереносимо для человека. Зло же обрекает человека на одиночество. Поэтому стремление к добру — к преодолению одиночества — не может не быть имманентным человеческой природе.

Однако чтобы быть добрым, повторим, надо иметь возможность делать добрые дела, возможность влиять с этой целью на мир и на людей. Когда у нас такой возможности нет, мы

черствеем, теряем способность к сочувствию и сопереживанию, теряем стимул к добрым делам.

Короче говоря, люди “приговорены” либо к тому, чтобы двигаться по пути создания условий для осмысленной жизни на пользу себе и людям, либо, если это движение окажется им не под силу, “броситься в бездну”, для чего у них уже есть реальные средства.

Основополагающие потребности человека

Если исходить из представления, что основой психологии человека является осознание смертности, то приходишь к выводу, что основополагающими, фундаментальными потребностями человека в социальной сфере являются потребности **самоутверждения и единения** с людьми. Все другие потребности в этой сфере являются производными от них.

Самоутверждаясь, мы стремимся обрести смысл в жизни и оставить в ней след, обрести таким образом какое-то подобие бессмертия и быть нужными людям — достичь *единения* с ними. (*Единение*, в отличие от *единства*, не может быть насильственным или меркантильным.)

Единение с людьми дает нам и смысл жизни, и самую сильную защиту от всех наших страхов. (Простейшим видом *единения* является семья, созданная по любви!)

Нынешние сторонники капитализма в России кричат о том, что традиция коллективизма в русском народе — следствие отсталости России, и с этой традицией необходимо бороться не на жизнь, а на смерть. Эти люди не хотят или не способны понять, что упомянутая традиция *не от отсталости, а от человеческой природы!* Как не понимают этого и наши национал-патриоты, представляя коллективизм (“соборность”) как сугубо русское качество. Более того, коллективизм у западных народов развит сейчас значительно сильнее, чем среди россиян. Внедренный Сталиным казарменный «коллективизм», подорвал способность к солидарным, коллективным действиям в российском обществе.

При всех существовавших с рабовладельческих времен и существующих социальных укладах стремление к самоутверждению и единению, как правило, находились (и находятся) в

Глава 2

конфликте. Самоутверждение, будь то через обретение власти, богатства и славы, даже за счет интеллектуальных достижений, чаще всего отчуждает от окружающих, остающихся “внизу” людей, от общества, а то и вызывает их ненависть или злую зависть, обрекает на одиночество. Недавно я заметил в газете наивный заголовок: “Банкиры очень одинокие люди!” Еще бы, они не могут верить в искренность добрых чувств даже членов своей семьи, не говоря уж об обобранных и эксплуатируемых ими людях.

Можно сказать, что капитализм затрудняет людям единение, а государственный социализм — самоутверждение, да и единение превращает в казарменное единство.

Отсутствие гармонии между потребностями в самоутверждении и единении является, очевидно, трагедией для людей, так как опять же оставляет их незащищенными перед страхами, деморализует, сеет в жизни злобу, зависть. Стремление к гармонии самоутверждения и единения тоже имманентно природе человека.

Возможность же такой гармонии для широкого круга людей появляется лишь в обществе, граждане которого обладают фундаментальными правами истинно свободных людей — правом решающего голоса во всех касающихся их делах и правом собственности на продукт своего труда. В таком обществе в коллективах работников-собственников какое-либо достижение одного из членов коллектива идет на пользу всему коллективу и потому не вызывает отчуждения, злобы, зависти. В таком обществе легко делать добрые дела, вести осмысленную жизнь и иметь защиту от страха смерти и его “бесов”.

Бытие и сознание

Известная формула марксизма гласит: “Бытие определяет сознание”. Идеалисты утверждают обратное: вначале всегда слово, мысль, сознание. Сколько копий поломано в дискуссиях на тему, что тут ближе к истине! Из главенства для марксистов бытия над сознанием вытекает и их представление об историчности, относительности нравственных принципов и норм.

Но если опять же признать, что в основе природы человека лежит осознание им своей смертности, то станет ясно, что бытие

определяет лишь (что очень не мало!) **форму проявления основополагающих стремлений (потребностей) сознания.**

Так, если условия жизни, бытие, мешают человеку самоутверждаться в добрых делах, принося пользу людям, то он вольно или невольно ищет самоутверждения *за счет* людей (окружающих), подчиняя их и эксплуатируя, а то и уничтожая во имя славы своей. Соответственно начинают в этом случае злокачественно трансформироваться и все другие производные потребности и взгляды человека. Но защиты от страха перед смертью и временем такая трансформация не дает — лишь ввергает человека в одиночество. Однако в каждом новом поколении заново начинается подспудное давление фундаментальных потребностей сознания, которые никакое бытие уничтожить не может, т.к. не может избавить нас от осознания смертности.

И никакое бытие не может остановить борьбу людей за создание условий жизни (бытия!), способствующих гармонии потребностей, к самоутверждению и единению.

Предлагаемая нами формула взаимовлияния бытия и сознания снимает, как видим, противоречие между марксистским, материалистическим пониманием этого влияния и идеалистическим и дает нам опять же синтез обоих подходов.

Радикальные противники любого рационального подхода к осмыслению истории и социальной психологии любят размахивать тезисом Достоевского о своеволии человека, который, де, способен действовать во вред самому себе. На мой взгляд, этот тезис представляет собой поверхностную констатацию подобного поведения людей, особенно характерного для русского общества, с одной стороны весьма развитого, а с другой — закрепощенного, внешне и внутренне несвободного. Своеволие — всего лишь уродливая форма самоутверждения, возникающая главным образом от бесправности, угнетенности и униженности людей. Я отнюдь не являюсь безоглядным оптимистом и очень даже допускаю, что человечество вполне способно не просто действовать себе во вред, но даже и покончить с собой способно. Не допускаю я лишь одного: что развитие человечества может застрять на капиталистическом этапе, и люди смогут примириться с невозможностью реализации своих фундаментальных потребностей и их дисгармонией.

От психологии к политике: свобода и власть

Очевидно, чтобы иметь возможность для самоутверждения, тем более на пользу людям, человек должен обладать свободой. Свободой мысли и ее реализации. Истина азбучная.

Но к сожалению не совсем азбучна другая истина, а именно, что свобода немислима без власти. Без власти над ходом своей жизни и жизни общества, без возможности для каждого человека участвовать в решении всех вопросов, его касающихся. Свобода без власти возможна только в полном одиночестве, в пустыне. В обществе же свобода без власти — фикция.

Свобода и власть — неразлучная пара, две стороны одной и той же медали, название которой — возможность. Свободу и власть можно поэтому объединять в одно понятие: власть-свобода.

Великой бедой человечества представляется то, что еще очень многие люди, даже иные философы, не осознают этой связи: априорно исходят из невозможности гармонического сочетания свободы и власти. Ведь до сих пор везде и всегда власть ущемляла свободу, а свобода противостояла власти.

Многие философы говорят о “пустоте” свободы и даже о страхе перед ней как перед всякой пустотой; говорят о кризисе и трагедии свободы, так как люди, мол, обладают или стремятся лишь к “отрицательной” свободе — свободе от чего-то. И одни предлагают мужественно переносить страх перед “пустотой-свободой”, другие — заполнить ее служением Богу.

Но свобода не может быть пустой для человека, если он при этом обладает еще и властью — возможностью творить добро и защищать себя от страха смерти. Не может быть у человека и страха перед настоящей свободой, свободой-властью.

Иное дело, когда хозяин говорит рабу: “Вот тебе твоя желанная свобода, иди на все четыре стороны, а власть и все, что она дает, я оставляю себе”. Такая “отрицательная” свобода, конечно, покажется рабу страшной и пустой.

Дайте людям настоящую свободу, и они найдут ей применение: проблемы, стоящие перед человечеством, велики и неиз-

бывны. И настоящая свобода сама по себе неразрывно, диалектически связана с ответственностью. Она не только дает, но и очень многого требует.

Однако власть пока везде в той или иной мере противостоит свободе и душит ее по той “простой” причине, что до сих пор она везде и всегда сосредотачивается в руках меньшинства. Власть, но опять же не свобода! Необходимость подавления свободы большинства ограничивает и свободу властвующего меньшинства!

Настоящей свободой, властью-свободой, могут обладать все или никто. И вот в этом, пожалуй, действительно состоит “великий вывод мудрости земной”.

Не надо только путать “настоящую свободу” с абсолютной, которая тоже возможна лишь в безлюдном пространстве! В жизни же среди людей всегда есть только сектор свободных решений и действий. Его величину определяет прошлое и характер социально-политического строя, культура и образованность людей, ситуация момента. Еще очень важно, чтобы границы сектора свободы определялись также моралью и законами, а не произволом власти и деньги имущих, неподконтрольных обществу личностей. В последнем случае происходит не только сужение этого сектора, но и создается положение, когда у людей остается лишь свобода творить зло друг другу и обществу в итоге любых своих действий и начинаний, даже направленных к добру — ситуация любого тоталитарного строя. (Такая ситуация вновь складывается сейчас в нашей стране!)

Однако вернемся к теме соотношения власти и свободы. Повторю: до сих пор, увы, большинство людей полагало, что все сразу управлять, командовать не могут и реальная власть всегда будет у властвующего меньшинства, у “специалистов” власти. “Сам собою народ управлять все равно никогда не будет”, — говорит Солженицын устами своего героя в “Августе 14-го”.

Или: далеко не каждый, мол, захочет лезть в начальники, даже если будет иметь возможность.

На первые возражения ответ будет дан при разборе механизма и структуры “синтезного социализма”, что же касается

Глава 2

последнего аргумента, то необходимо сказать следующее. Да, не каждый человек в каждый данный момент будет иметь желание (и необходимость) пользоваться властью, но сама возможность ею пользоваться имеет огромное, самостоятельное психологическое значение. Уж от возможности-то не откажется ни один человек. Сегодня он не имеет желаний и необходимости воспользоваться властью, а завтра может и захотеть, и если не он, то его дети. Каждый человек должен иметь право на власть, каждый человек должен иметь права лорда. Ведь обладание возможностями и дает ощущение свободы. Да это и есть свобода.

Чтобы понять великую успокаивающую и защищающую роль Возможности, надо только представить себе, что ты ее имел и вдруг потерял, или что у тебя ее отняли. Об этом в шутку хорошо сказано в одной из пьес Шона О'Кейси.

— Почему ты не хочешь жениться на мне? — спрашивает англичанка американца.

— Женившись на иностранке, я потеряю право стать президентом США, — отвечает ее возлюбленный.

— Но разве ты хочешь быть президентом?

— Нет, конечно. Но права терять я не хочу!

Труднее всего жить без власти-свободы людям интеллектуального, творческого труда.

“Мы еще не выполнили свой долг перед птичницей, — пишет Григорий Померанц. — Но по крайней мере известно, как это сделать. А как быть с младшим научным сотрудником Акакием Акакиевичем, пожизненно осужденным готовить бумаги Значительному Лицу? Этого никто не знает, и мы в потемках ищем ответа, одновременно с Европой и Америкой, которые по крайней мере о птичнице могут не думать”.*

И до тех пор, пока не найдем ответа, смута и беспокойство в мире будут нарастать, ибо мы переживаем сейчас не только демографический взрыв, но и быстрое “размножение” младших научных сотрудников. И они никогда не приобретут настоящей свободы, свободы-власти, пока ее не будет и у птичницы. Прибавить птичнице “корму” и облегчить ее труд — еще не

---

* Померанц Г. “Неопубликованное.” Франкфурт-на-Майне, “Посев”, 1972, с. 133.

значит выполнить перед нею наш долг. Птичница ведь тоже человек, существо, обладающее Сознанием. И до тех пор, пока она также не станет Значительным Лицом, у нас и яиц не будет в достатке, и не оставит нас страх, что в один прекрасный день, обезумев от бессмысленной и бесправной жизни, птичники бросятся под штандартами какого-нибудь новоявленного фюрера сворачивать головы людям, прежде всего младшим научным сотрудникам. В прошлом эта перспектива не была столь реальна, так как “птичницы и птичники” рождались таковыми (рабы рождались рабами). И свобода, даже “отрицательная”, не маячила за воротами их “птичников”. Детей рабов не учили в школе, что они свободны и равны. И то появлялись Разины и Пугачевы!

Свобода, власть и собственность

Олдос Хаксли, которого я почитаю как предшественника современной концепции синтезного социализма, в работе “Наука, мир, свобода” писал 50 лет назад, что все зло в мире происходит от того, что большинство людей при всех существующих режимах, правых и левых, все больше лишается собственности на средства производства. Люди же, лишенные кормящей собственности, попадают в абсолютную зависимость от работодателей и их надсмотрщиков — и это деморализует и тех и других. Однако возвращение к обществу мелких собственников-“единоличников” невозможно, и остается, пишет Хаксли, один выход из положения: групповое владение “кормящей” собственностью, и неразрывно связанное с этим — трудовое самоуправление, т.е. вступление демократии внутрь трудовых ячеек.

Иными словами, к свободе и власти необходимо добавить собственность, дающую средства к существованию. Но главным в этом триединстве остается власть. Без нее не удержать ни свободы, ни собственности.

Свобода, власть и собственность — сжатая формула синтезного социализма. Свобода — регулируемая законом и моралью, власть — как право решающего голоса во всех касающихся человека делах, собственность — на продукцию и

Глава 2

средства производства. И все это за **каждым** членом общества.

Строй, созданный на этом “базисе”, позволит всем людям начать движение к своим идеалам, к нравственному совершенствованию и гармоничному развитию, к снятию противоречий между стремлением к самоутверждению и единению, начать движение к “Свободе, Равенству и Братству”.

Очень важно иметь в виду, что система *групповой трудовой собственности* опирается одновременно как на идеалистические, так и на меркантильные компоненты человеческой психологии (снимает и здесь противоречие) — позволяет наконец людям работать для себя и для общества одновременно.

На Западе предприятия и коммерческие учреждения выкупаются или создаются трудовыми коллективами как правило ради повышения зарплаток и сохранения или создания рабочих мест, но совместное хозяйствование приводит к настоящей революции в умах и душах людей. Коллективное хозяйствование работников-собственников и устанавливаемые ими по чисто прагматическим и меркантильным соображениям нормы взаимоотношений вступают в резонанс с фундаментальными потребностями человеческой природы и рождают новое мироощущение, рождают в известном смысле новых людей. Бытие (новое) не изменяет сознание целиком, но *резонирует* с его фундаментальными потребностями!

Из прагматических соображений создаются и ассоциации принадлежащих работникам компаний, и в этих ассоциациях устанавливаются новые принципы и механизмы расширенного воспроизводства, в результате чего ассоциации эти становятся прообразом экономики и государственности будущей посткапиталистической эпохи.

Подытожим. Становление уклада, представляющего собой *диалектический* синтез либерализма и коллективизма, социализма и капитализма, дело неизбежное по той причине, что такой уклад дает возможность людям полнее и гармоничнее удовлетворять свои фундаментальные духовные потребности.

Уклад этот открывает эпоху действительно бесклассового общества, позволит человечеству перестать тратить

большую часть сил на внутренние проблемы, на классовую, сословную, национальную и прочую междоусобную борьбу, позволит мобилизовать все силы на борьбу за продолжение и благополучие рода человеческого (что и предназначено природой всем живым существам), превратит человечество из *интровертированной* “личности” в *экстрровертированную*, из подросткового состояния поможет перейти во взрослое.

Но при этом надо осознавать, что становление синтезного уклада, похоже, уже запаздывает и подростковый период опасно затягивается: на человечество надвигаются апокалипсические угрозы, экологические, ресурсные, демографические, и ему пора бы уже сосредоточиться на ликвидации этих угроз.

И одна из причин такого запаздывания – злокачественная роль нашей страны. Синтезный уклад мог бы начать развиваться в Чехословакии после 1968 года и в Польше — после 1981, но в обоих случаях этому воспрепятствовали тогдашние власти “Родины социализма”. Синтезный уклад мог начать “сооружаться” и у нас в результате горбачевской перестройки, но такое развитие было остановлено совместными усилиями значительной части коммунистической номенклатуры и элитной интеллигенции.